

КУЛЬТУРА И МЫ

В ТИХОЙ воде Свислочи зеркально отражаются высокие кроны прибрежных тополей и синева небес с белыми облаками. Павел Дубашинский бросает взгляд на реку и чему-то улыбаётся. Позже я спрошу его: «Чему?» И он почти тихо вымолвит: «Знаешь, взгляну на такое... и вспомню свою Дисёнку...» Дисёнкой называют крестьяне села Горбуны реку Дисну, что несёт свои волны почти под окнами их домов. Это район Шарковщины на западе Полотчины. Родной край. «Родные нуты» заслуженного артиста БССР П. Дубашинского.

«Дисёнка» и «Горбуны» возникают в нашем разговоре с Павлом Дубашинским, пожалуй, кстати. Артист известный, он выступает на подмостках купаловского театра уверенным и красочным художником. Созданные им сценические образы привлекают живым колоритом и несомненной оригинальностью человеческих характеров. Легко сказать, характеров! Всякий раз антеру, как говорится, надо уметь на три аршина под землей видеть. Художническая проницательность свойственна таланту П. Дубашинского.

— Нет, дэзай не будем называть это проницательностью, — спохватывается мой собеседник. — Как все получается в театре? Деревенские говорят: по соломе жита не узнаешь. Актер же по тексту, т. е. по словам, переписанным из пьесы, воссоздает в своем воображении облик живого человека. Скопидома или доброхота, анахорета или расточителя, отъявленного кликушу или отшельника. Вообразив, начинаешь на репетициях «сближаться» с ним, чтобы на спектакль явиться слитным с этим — вообразенным тобою — человеком. Просто? Куда как просто...

Знаю, что Павел умеет работать самостоятельно. И режиссуру предпочитает ту, которая глубоко роет. Что это значит? Павел смеется и уточняет:

— Когда режиссер жизнь видит не через очки собственной начитанности и нахватанности, а первородной. Такой ставит спектакли без нарочитых театральных ухищрений и вымученных заимствований. Здорово, знаешь ли, открывать сущее в людях!..

Понимаю, что П. Дубашинский затрагивает продуманное им, возможно, и выстраданное. Задаю вопрос, который у каждого из нас иногда возникает под воздействием житейских передряг или направивается, когда мы хотим разобраться в художественных впечатлениях. Как сам он, Павел Филиппович, изведав разные характеры и воплотив несхожие сценические образы, полагает — добр или зол человек изначально, от природы?

— Ты спрашиваешь, а передо мною снова та Дисёнка возле Горбунов, — почти мечтательно говорит П. Дубашинский. — Разве не добрая она, река? По ее глади на лодке мы с батюшкой переплываем на противоположный берег... Сильная, могучая, несёт нас на тихой волне. Добрая, она поит землю, и тянутся к солнцу осока и тенистая ива. Мальчишкой я уверовал в доброту и величие человека. Мать сажает в печь душистый добрый хлеб, вкуснее которого не бывает на свете. Добрый пастух ведет в луга стадо коров. Уж он-то не даст в обиду никого! Его и волки обходят стороной... А хаты наши — эти крепкие дома с сияющими на солнце окнами — хранят в зной отрадную прохладу, а зимними стужами желанное тепло уюта. Доброй весной мы начинали ждать перелета птиц и не было ликования большего в детских сердцах, когда над Горбунами возникала журавлиная стая... Добрый мир! Добрый чело-

век! С этим я рос, это мне внушено детскими впечатлениями... И война завершилась победой доброй силы. Силы, которая не нападала, а защищала и вызволяла от врага родной край...

Слушая П. Дубашинского, я как-то по-новому воспринимаю две его полярные роли в репертуаре Академического театра имени Янки Купалы. В комедии «Врата бессмертия» К. Крапивы и в драме «Вечер» А. Дударева. В первой он убеждает зрителя в том, что его ученый по фамилии Дабриян сам удивленно рад своему открытию, которое обещает лю-

дые способности. Не знаю, как это выглядит на сцене, но мой Дабриян теперь озадачен: оказывается, не все люди пока что готовы к некоторым научным открытиям, не всем из нас дано разумно воспользоваться благами этих открытий. Сколь низменны побуждения некоторых визитеров Дабрияна, которые пускаются во все тяжкие, дай только им продлить «усладу» жизни в довольстве и комфорте! Вот откуда жесткость в кое-каких раздумьях и интонациях речи мо-

коменданта и усердный деятель районного масштаба Ломтев, почти сназочный министр финансов и легко узнаваемый современный аппаратчик Федор Ухватов (в макакиновских пьесах «Трибунал», «Таблетку под язык», «Святая простота» и «Погорельцы»). Своеобычен его простодушный в своем маразматическом безумии Князь («Дядюшкин сон» по Ф. Достоевскому) и догадывающийся о собственной глупости и потому ожесточенный дворецкий Стефано («Буря» У. Шекспира)... Художник наблюдательный, П. Дубашинский умеет подмеченное в людях, в их повседневной жизни превращать в яркие детали сценического су-

анафеме отщепенцев, выслеживал, карал. Надо видеть П. Дубашинского на сцене, когда его престарелый Гастрит пытается оправдывать свою былую прыть неистового ревнителя «правильности», определяемой указаниями свыше!

Но почему же в глазах у него мерцает какая-то растерянность, скрываемая даже от самого себя? Привыкший жить по директивам, Гастрит на склоне лет видит, что делало людям добро не он, а неторопливый и рачительный земледелец Василь (по кличке Мультик). Не рвался тот к должностям и в президиумы, а сеял хлеб, возделывал сад, кормил и поил, одевал, ставил на ноги и выводил в свет детей, привечал залетных птиц, хохлил домашнюю скотину, сознавая свое высшее призвание в сохранении человечности. Рядом с ним с алчным честолюбием Гастритом, — и такая отзвучившая душа! Не знаю, каким образом, но актер дает нам понять, что пробужденная в Гастрите совесть как бы заставляет его учиться чему-то главному у земного и по-настоящему добродетельного Василя. Поздно вроде бы учиться, когда иттижись жизнь, да надо, иначе невозможно искупить перед самим собой своих прегрешений.

— Выходит, и здесь у тебя проявляется твоя вера в добропорядочность человеческой породы?

Павел на этот раз не улыбается в ответ, как часто бывает, а задумывается. Похоже, затрагиваю и впрямь заветную для этого художника область. Область главного, что ли, творческого убеждения...

— Не люблю я говорить высокопарно, — вдруг замечает он. — Психология и философия творчества драматического актера — предмет, которого у нас почти никто не касается. Мне ли изрекать «а!» И все же... Социальное содержание, гражданский смысл нашей работы, пожалуй, наиболее впечатляет зрителя, когда сцена пробуждает уснувшую у кого-то совесть, оттачивает притупившуюся, окрыляет верой и надеждой — отчаявшуюся. Помнишь, еще недавно мы все в искусстве ратовали за воспитание в людях веры в справедливость. Согласись, веру в душе носить легче, нежели взыскующую совесть. Да, мои персонажи, тот же Дабриян во «Вратах...», тот же Гастрит в «Вечере», особенно мой Иван Петрович Заливако в «Мудромере» Н. Матуковского... Ох, как этот Иван Петрович наловчился «пробивать» свои заведомо авантюрные завиральные идейки! Одержим, сам верит в свое особое предназначение в обществе — недоумливать! И потому не мытьем, так катаньем, но «собирает» все необходимые министерские резолюции на собственном прожекте... Так вот, видимо, изображая таких, я и должен показывать, что духовные силы и поступки, которые затрачиваются на осуществление личных честолюбивых намерений или для приумножения наживы, чашенко портят самого добропорядочного от природы человека... Мне знаешь ли, уже мало только нравиться зрителю в роли. Я, поверь, хочу быть полезным ему...

Павел умолкает. Листает записную книжку со своими рабочими планами. Разговор закругляется. Я крепко жму руку артисту, который дарит нам много радостных минут, выступая на сцене, в кино, на телевидении, по радио. Работа его и в самом деле полезна, раз прибавляет нам впечатлений и знаний о реальной жизни, о подлинных возможностях, о призвании и ответственности человека. Перед обществом и перед самим собою.

Борис БУРЬЯН.

художник
и время

«В ответе перед самим собой...»

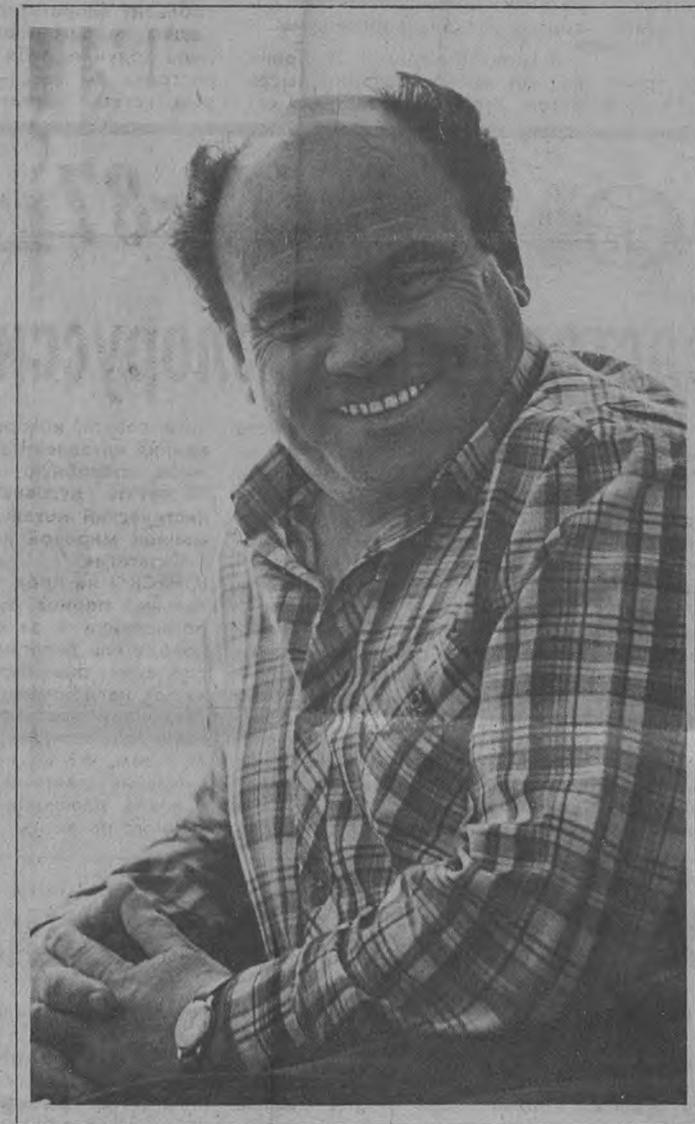
дям... бессмертие. Сперва это, что называется, его чисто научный успех, от которого ликует душа. Борис Петрович Дабриян по-настоящему добр, ибо с чем же можно сравнить этот дар людям — дар бесконечного обитания на земле! Умница, он на голову выше любого из претендентов на бессмертие, которые ломятся к нему всеми правдами и неправдами, чтобы успеть заполучить то волшебное средство... Прежде, в первой редакции спектакля, артист раскрывал в герое именно это — сочетание, похоже, безоглядного жизнелюбия ученого и по-человечески понятного удовлетворения. В новой режиссерской редакции во «Вратах бессмертия» Дабриян П. Дубашинского ощущает не очень понятный ему привкус горечи от всей шумихи с его открытием. Ученый муж, он вдруг изрекает кое-какие сентенции с нотками жестокости. Почему? Солома — прежняя, а жито — вроде не то.

— Видишь ли, в чем дело, — отвечает мне артист. — Зло обычно завидует добру. Ищет самооправдания и тешит себя надеждой на то, что лишь благодаря его присутствию в мире и появилась возможность проявиться добру. Как бы вы, дескать, узнали цену свету, не будь тьмы!

Если человек изначально добр, откуда тогда берутся прохиндей и палачи? Не знаю, как судят психологи, а я уверен, что злые задатки появляются у человека, если, когда он еще подросток, у него на глазах отец оскорбляет мать, хитрит с соседом... ловчит на работе. Если первым приятелем в школе становится завистливый обманщик или болтливый приспособленец... Как сажа, зло нас марает. Кого больше, кого меньше. Все зависит от нашей способности разумом и волей удерживаться от подражания злу, от примирения с первым, даже «маленьким злом» в собственных поступках. Удерживаешься, значит, побеждаешь! Ведь зло знает, что само оно никогда добрым стать не может. Зато «обратить» добро в собственную противоположность зло надеется. Искушает, принуждает, соблазняет, заманивает...

— Значит, и твой Дабриян вроде «марается» о скрытое зло, которое выпрашивает, вымалывает, требует от него, ссылаясь на всяческие заслуги и привилегии, заветное средство бессмертия?

— В том и секрет комедии Кондрата Крапивы: есть в ней и такой психологический казус. Раскусил я это не сразу. Вероятно, опыт жизни помогает актеру не меньше, чем профессиональный навык и природ-

его героя...

Признаться, прежде, глядя на сцену, я нередко удивлялся некоторым находкам и такому органическому внутреннему преобразованию П. Дубашинского. Вместе со зрительным залом аплодировал его Левону и Федору Жиглицкому («Цветок папоротника» и «Над волнами Серебрянки» И. Козела), Присыпину («Клоп» В. Маяковского), почтмейстеру Шлекину («Ревизор» Н. Гоголя), Лансу («Два веронца» У. Шекспира) в республиканском театре юного зрителя. Мне нравится его творческая самостоятельность в трактовке и исполнении таких ролей, как пэр Франции граф де Мирмон («Истница славы» Э. Скриба) и грузинский пастух Глаухуна («Закон вечности» по Н. Думбадзе), тупой немецкий

существования или в штрихи театрального портрета того или иного персонажа. Природное обаяние артиста пробивается в любой роли. Все это верно.

Однако не менее верно и то, что его убеждение в природной изначальности доброты в человеке как бы связывает внутреннюю нитью все лучшие работы актера. Даже этот его поднаторевший в благодарной изворотливости сельский активист Минита по кличке Гастрит в «Вечере» А. Дударева не вырывается. Как охотничий пес, едва заслышав какое-либо «указание» или прочитав в районке чью-нибудь «директиву», кидается он первым «выполнять» и «перевыполнять». Шумел на сходках, избличал уклонистов, выводил на чистую воду сомневающихся, предавал